А.Ю. Овчаренко

«Босая правда» Артёма Весёлого и «Осколки» Бориса Губера в контексте «линяния» революционных чувств

Проанализирована связь личных и творческих биографий Б. Губера и А. Весёлого, определены характер участия обоих писателей в Содружестве «Перевал», особенности общественно-политической обстановки, приведшей к возникновению феномена «линяния» революционных чувств и возникновению «лишних» людей революции, дано определение «линяние», охарактеризовано его влияние на формирование литературной позиции писателей. В хронологическом порядке рассмотрены ключевые события историко-литературного процесса конца 1920-х гг., создавшие фон публикаций, исследован творческий диалог рассказов «Босая правда» и «Осколки», дана общая сравнительная характеристика особенностей сюжета и стиля рассказов, определена их роль в литературном процессе конца 1920-х гг.

Ключевые слова: *Артём Весёлый, Борис Губер, Содружество «Перевал», «линяние» революционных чувств, «лишние» люди революции.*

The article deals with the creative dialogue of the stories "Barefoot truth" by Artyom Vesyoly and "Smithereens" by Boris Guber. The historical and literary background of publications, creative biographies of writers, features of the plot and style of stories is analyzed, determines their role in the literary process of the late 1920s.The article analyzes the relationship between the personal and creative biographies of B. Guber and A. Vesyoly, defines the nature of the participation of both writers in the Commonwealth "Pereval", the features of the socio-political situation that led to the emergence of the phenomenon of "fading" of revolutionary feelings and the emergence of "superfluous" people of the revolution, defines "fading", and describes its influence on the formation of the literary position of writers. Chronologically examines the key events of the historical-literary process of the late 1920s, investigate the background of the publications, examines the creative dialogue of stories of "Barefoot truth" and "Fragments", gives a general comparative characteristic of features of the plot and style of stories is determined by their role in the literary process of the late 1920s.

Keywords: *Artyom Vesyoly, Boris Guber, the literary process of the 1920s–1930s, the "fading" of revolutionary feelings, the "superfluous" people of the revolution.*

DOI 10.20339/PhS.4-20.095

Творчество Артёма Весёлого активно изучается в последнее время: в Ульяновске проводятся регулярные Весёловские чтения, переизданы основные произведения писателя, издана книга воспоминаний дочерей писателя Гайры и Заяры [1], создан сайт, посвященный творчеству писателя (https://artemvesely.com/).

О Борисе Андреевиче Губере (1903–1937) написано пока очень мало [2. С. 225–287], его продолжают путать с пушкинистом и переводчиком Петром Константиновичем Губером (1886–1935). Более известен старший брат писателя, Александр Андреевич Губер (1902–1971), историк, академик АН СССР. Единственная небольшая книга рассказов Б. Губера «Бабье лето» издана больше 60 лет назад, в 1959 г. Бывший перевалец Г.А. Глинка, уже будучи в эмиграции, посвятил Б. Губеру главу своей книги о Содружестве «Перевал» [3. С. 299–304].

Судьба обоих писателей была тесно связана с «Перевалом».

Б. Губер вступил в «Перевал» в 1924 г. почти сразу же после создания Содружества и оставался в нем до конца. В 1928 г. он писал в своей автобиографии: «Первая же моя повесть "Шарашкина контора" была напечатана — и что самое главное — сблизила меня с Александром Константиновичем Воронским и с "перевальцами". Лучших друзей и единомышленников я не могу для себя пожелать» [4. С. 104]. Тем не менее произведения Б. Губера не названы ни А. Лежневым, ни Д. Горбовым среди перевальских по духу. Вообще он писатель, не оцененный (да и не прочитанный) не только современниками, но и нынешними исследователями литературы тех лет.

Артём Весёлый, один из непосредственных организаторов «Перевала», привел с собой из «Октября» М. Голодного, М. Светлова и А. Костерина — «группу Весёлого» (И. Вардин). Он был также редактором первых трех сборников «Перевала».

Но литературные учителя у них был разные: в 1918 г. Б. Губер уже был знаком с Е. Замятиным и с «Серапионовыми братьями», а Артём Весёлый сформировался под влиянием «революционера слова и формы» В. Шкловского, читавшего членам «Молодой гвардии» курс прозы в их общежитии на Покровке, 3. Своим учителем А. Весёлый считал и В. Хлебникова, «величайшего из русских поэтов» [5. С. 5] Очевидно, что А. Весёлый поэзию В. Хлебникова и сам образ «будетлянина» воспринял и от А. Кручёных, с которым был в дружеских отношениях, и из рассказов своего близкого друга А. Костерина, лично знавшего В. Хлебникова по Персидской кампании Красной армии.

В литературном процессе тех лет эти писатели также играли разную роль. В автобиографии А. Весёлый пишет о своем жизненном пути и своем предназначении: «С 1917 г. занимаюсь революцией» [6. С. 81]. Б. Губер в те годы был организатором литературы, ответственным секретарем издательства «Федерация», одним из создателей «Библиотеки крестьянской литературы».

В то время в общественно-политической жизни совершалась «сталинская революция сверху»: в ходе Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г., XVI партийной конференции 23–29 апреля 1929 г. Н. Бухарин и его группа были сняты со всех постов, а Пленум 10–17 ноября 1929 г. специальным постановлением «О группе Бухарина» утвердил победу И. Сталина и его сторонников. Ранее, 3 ноября 1929 г., в своей статье И. Сталин назвал 1929 год «годом великого перелома». На конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. И. Сталин заявил о сворачивании политики нэпа и начале ликвидации кулачества как класса.

В 1929 г. усилились нападки ВОКП (Всероссийского общества крестьянских писателей) на С. Клычкова и других крестьянских писателей — Н. Клюева, П. Радимова, П. Карпова, П. Орешина и др. Поводом послужила публикация романа С. Клычкова «Темный корень» (1927), журнальное название романа — «Князь мира». Лидеры ВОКП обвиняли С. Клычкова в кулачестве и национализме.

В сентябре 1929 г. на страницах «Литературной газеты» статьей Б. Волина «Недопустимые явления» была начата кампания против Б. Пильняка и Е. Замятина за публикацию за границей повести «Красное дерево» и романа «Мы», затем, в декабре статьей С. Канатчикова «Заметки об одной реакционной теории», — кампания против «реакционной» школы В. Переверзева.

Сдвоенный ноябрьский номер журнала «На литературном посту» открывался статьей «Воинствующее напостовство», призывавшей к «большевизации» литературы. Здесь же была опубликована статья Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах», положившая начало критико-политическому разгрому рассказов А. Платонова «Усомнившийся Макар» и «Впрок». Статья Л. Авербаха была перепечатана 3 декабря в «Правде», а на следующий день, 4 декабря, вышла статья К. Томас «За консолидацию коммунистических сил пролетарской литературы», в которой фактически окончательно закреплялся приоритет задач партии в литературе.

Одновременно на исходе нэпа усилилось разочарование в романтических идеалах революции — «линяние» (А. Воронский) и «выдыхание» (Г. Лелевич) революционных чувств, особенно в художественной среде, рос алкоголизм, возникла своеобразная революционная богема. «Линяние» надо понимать как оценочное суждение об упадке, о кризисе общественной морали времен нэпа, о времени, «крашенном рыжим цветом» (Н. Асеев).

В жизни и литературе возникла галерея «лишних» людей революции, открытая «охломонами» Б. Пильняка. Все они попали под «тяжелую пятку революции» (Л. Леонов). Общим был очередной проклятый вопрос «За что боролись?». Все это и определило историко-литературный фон публикации «Босой правды» А. Весёлого и «Осколков» Б. Губера. [7. С. 348–357].

Рассказ Артёма Весёлого, к тому времени вышедшего из «Перевала», напечатан в «Молодой гвардии», журнале одноименной группы, в которой А. Весёлый начинал и откуда перешел в «Перевал».

«Босая правда» А. Весёлого, задающая тон всему художественному отделу журнала, открывает пятый номер за 1929 г. В нем же напечатаны и своеобразные поэтические манифесты М. Исаковского «Шуба» с отказом писать на соцзаказ, чтобы заработать жене на шубу, и грустить, «как грустят перевальцы», и Г. Фиша о строке, зовущей за собой вперед, утверждающие стремление молодых поэтов стихами бороться с «линянием» революционных чувств. Но, как показывает закрывающая номер статья рапповца А. Селивановского о современных поэтах, об остром неприятии нэпа бывшей «серапионовой сестрой» Е. Полонской, о разрыве бывших членов Пролеткульта с революционной поэзией, об уходе в экзотику молодых пролетарских поэтов или о шаблонности их стихов, в этой борьбе много сложностей [8. С. 38, 44, 91–93].

Шестой сборник «Перевала» за 1928 г., где был напечатан рассказ Б. Губера «Осколки», имеет еще более выраженный внутренний сюжет. За рассказом «Осколки» Губера о трагедии «вычищенного» из партии коммуниста, бывшего красного командира, следует повесть М. Барсукова «Нерассказанная любовь» о молодом художнике, бывшем красноармейце, также исключенном из партии и покончившим с собой. Затем стихотворение Д. Семёновского «Поэт» вводит читателя в классический литературный контекст: поэту, современному Франциску Ассизскому, в стране Советов ближе люди и птицы. Центр сборника — повесть И. Катаева «Сердце» о смерти коммуниста-подвижника, далее стихотворение «Ночная дорога» В. Наседкина как прямой диалог с «Выхожу один я на дорогу» М. Лермонтова и «Осенней волей» А. Блока о тяжелом пути поэта. Завершают сборник поэтические памфлеты Н. Дементьева и М. Голодного против пролетарских поэтов. [9. С .7–67, 68–70, 81–166, 242–243, 373–378].

Ви́дение этих проблем было общим у писателей и поэтов, бывших бойцов и командиров Гражданской. Можно сказать, что рассказы «Босая правда» А. Весёлого и «Осколки» Б. Губера представляют собой общий завершенный сюжет: письмо бывших красных партизан-казаков своему бывшему командиру, коллективный монолог, речевая характеристика с диалектными особенностями («Босая правда»), и — действие глазами героя, того самого бывшего красного командира, уже «вычищенного» из партии и приехавшего в другой город к своему боевому товарищу, занимавшему здесь ответственный пост («Осколки»). Становится очевидным, что ни партизаны, ни командиры не нужны этой власти: «…чей-то холодный, неумолимый голос без всяких интонаций говорил над ним: “Вы, товарищ, дезорганизатор и склочник, вам не место в партии”». Фомин, главный герой рассказа Б. Губера, «комиссар, продармеец и коммунист, вдруг стал беспартийным» [10. С. 12–13], а бывшие красные партизаны, герои «Босой правды», которые «…протаптывали для дорогой советской власти первые кровавые дороги», понимают, что теперь она забыла о них. Они пишут: «Тлеем в глухих углах, как искры далекого пожара» и задают вопрос “За что мы, Михаил Васильевич, воевали — за кабинеты или за комитеты?”» [11. С. 4, 6].

Артём Весёлый стремился в своих произведениях эстетизировать огромность революции и ее динамику. Одним из главных героев его книг был язык эпохи, живой голос революции. Письмо как жанр наиболее полно позволяет дать слово всем из общего хора. Возможно, в этом потоке он видел продолжение революции, а не ее застывшую победу.

«Поэмы в прозе» (А. Воронский) А. Весёлого, «певца партизанской стихии» (М. Чарный), продолжали языковые эксперименты «Голого года» Б. Пильняка. А. Кручёных считал язык «Вольницы» и «Рек огненных» заумью и «прозо-стихом» [12. С. 40, 50–52]. В качестве ремарки необходимо исправить неточность в книге А. Кручёных: то, что ему казалось звукоподражанием у А. Весёлого, — «ледве-ледве» — это «едва-едва» в переводе с украинского.

Сравнительный анализ языка и стиля «Осколков» и «Босой правды» выходит за рамки статьи, поэтому укажем лишь, что в стиле Б. Губера преобладала авторская точка зрения. Писатель не стремился запечатлеть ни «языковую смуту» (М.В. Панов) эпохи, ни «поэтику масс» (Н. Драгомирецкая).

Б. Губер был «мастером неширокого охвата» (Н. Зарудин), обладавшим правом на частную истину. Но эта частная истина не всегда совпадала с общеперевальской точкой зрения, хотя подпись Б. Губера и стояла под всеми перевальскими документами. Б. Губер в отличие от И. Катаева и Н. Зарудина не писал восторженных пантеистических очерков о России, не писал и статей с яркими образами будущего. Образы России и человека в прозе Б. Губера пессимистичны: он видел, что к жизни была разбужена не только творческая сила человека, а вековая, темная, косная сила разрушения, дикости, что революция прошла мимо многих людей, ничего в них не изменив: «…проступило ревом: Интернацио-на-а-ало-ом». На церковной ограде «…железные, неживые ангелы на столбах стоя, тщетно трубили в желтые трубы — никто ничего не слышал» [13. С. 152, 162–163]. Действительность воспринимается в апокалиптическом свете, прежняя жизнь разрушена: покосившаяся церковь, народ — «бегущая, потная и злобная масса», ей не дано говорить. Знаменательно это сочетание трубящих ангелов, возвещающих о конце времен, и партийного гимна, призывающего разрушить старый мир «до основанья».

«Динамическая» проза А. Весёлого перевальского периода, рассказы перевальцев А. Малышкина «Поезд на юг» и И. Катаева «Встреча» в общекультурном смысле были воплощением «движничества — одного из главных творческих принципов Содружества “Перевал”» [14], стремлением противопоставить «подвижную сущность явлений» наступающему единообразию Культуры Два (В. Паперный). «Осколки» Б. Губера, не переизданные до сих пор, и «Босая правда» А. Весёлого описывали трагедию «потерянного» поколения романтиков революции, ее новых «лишних» людей. По словам В. Александровой, подобные произведения позволяли понять «социальную динамику эпохи». [15. С. 57]

Оба писателя, по словам А. Воронского, не потерявшим своего значения и на сегодняшний день, выступали против «*идеологического фетишизма, любви к вещи и к призракам* (курсив наш. — *А. О.*)». [16. С. 214].

Литература

1. Весёлая Г., Весёлая З. Судьба и книги Артёма Весёлого. М.: Аграф, 2005. 376 с.
2. Овчаренко А.Ю. Ровесники. Содружество писателей революции «Перевал» в историко-литературном процессе 1920–1930-х годов. М.: Эконинформ, 2018.
3. Глинка Г.А. Погаснет жизнь, но я останусь. Томск – М.: Водолей Publishers, 2005.
4. Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина. Изд. 2-е. М.: Совр. проблемы, 1928.
5. Весёлый Артём. Призыв // Кручёных А.Е. 15 лет русского футуризма 1912–1927 гг.: материалы и комментарии. М.: Всерос. союз поэтов, 1928.
6. Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина. Изд. 2-е. М.: Совр. проблемы, 1928.
7. Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильник, Б.Л. Пастернак, Артём Весёлый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
8. Молодая гвардия. 1929. № 5.
9. Перевал. Сборник 6. М.; Л.: ЗиФ, 1928.
10. Губер Б. Осколки // Перевал. Сборник 6. М.; Л: ЗиФ, 1928.
11. Весёлый А. Босая правда. Полурассказ // Молодая гвардия. 1929. № 5.
12. Кручёных А.Е. Заумный язык у Сейфуллиной, Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, И. Сельвинско-

References

1. Veselaia G., Veselaia Z. Sud’ba i knigi Artyoma Vesyologo. Moscow: Agraf, 2005. 376 s.
2. Ovcharenko A.Iu. Rovesniki. Sodruzhestvo pisatelei revoliutsii “Pereval” v istoriko-literaturnom protsesse 1920–1930 godov. Moscow: Ekon-Inform, 2018.
3. Glinka G.A. Pogasnet zhizn’, no ia ostanus’. Tomsk – Moscow: Vodolei Publishers, 2005.
4. Pisateli. Avtobiografii i portrety sovremennykh russkikh prozaikov / pod red. Vl. Lidina. Izd. 2-e. Moscow: Sovr. problemy, 1928.
5. Vesyoly Artyom. Prizyv // Kruchenykh A.E. 15 let russkogo futurizma 1912–1927 gg.: materialy i kommentarii. Moscow: Vseros. soiuz poetov, 1928.
6. Pisateli. Avtobiografii i portrety sovremennykh russkikh prozaikov / pod red. Vl. Lidina. Izd. 2-e. Moscow: Sovr. problemy, 1928.
7. Malygina N.M. Andrei Platonov i literaturnaia Moskva: A.K. Voronskii, A.M. Gorky, B.A. Pilnyak, B.L. Pasternak, Artyom Vesyoly, S.F. Budantsev, V.S. Grossman. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018.
8. Molodaia gvardiia. 1929. No. 5.
9. Pereval. Sbornik 6. Moscow; Leningrad: ZiF, 1928.
10. Guber B. Oskolki // Pereval. Sbornik 6. Moscow; Leningrad: ZiF, 1928.
11. Vesyoly A. Bosaia pravda. Polurasskaz // Molodaia gvardiia. 1929. No. 5.
12. Kruchyonykh A.E. Zaumnyi iazyk u Seifullinoi, Vs. Ivanova, Leonova, Babelia, I. Sel’vinskogo, A. Vesy-

го, А. Весёлого и др.: кн. 127-я. М.: Изд-во Всерос. союза поэтов, 1925.

13. Губер Б. Совхоз Кривякино // Губер Б. Шарашкина контора. М. – Л.: ЗиФ, 1926.

14. «Перевал» и искусство наших дней» // Литературная газета. 1930. 14 апреля. № 15.

15. Александрова В. Литература и жизнь. Очерки советского общественного развития. До конца Второй мировой войны. N-Y: Russian Institute of Columbian University, 1969.

16. Воронский А. Памяти Есенина (Из воспоминаний) // Красная новь. 1926. № 2.

ologo i dr.: kn. 127-ia. Moscow: Izd-vo Vseros. soiuza poetov, 1925.

13. Guber B. Sovkhoz Kriviakino // Guber B. Sharashkina kontora. Moscow – Leningrad: ZiF, 1926.

14. "'Pereval' i iskusstvo nashikh dnei" // Literaturnaia gazeta. 1930. 14.04. No. 15.

15. Aleksandrova V. Literatura i zhizn'. Ocherki sovetskogo obshchestvennogo razvitiia. Do kontsa Vtoroi mirovoi voiny. New York: Russian Institute of Columbian University, 1969.

16. Voronskii A. Pamiati Esenina (Iz vospominanii) // Krasnaia nov'. 1926. No. 2.

Овчаренко Алексей Юрьевич,
доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка Юридического института
Российского университета дружбы народов

Ovcharenko Alexey Yu.,
Doctor in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Russian Language Department
of the Institute of Law
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ovtcharenko-1959@yandex.ru